мѣръ, „Отечественными Записками“ — въ глазахъ нашихъ ярыхъ „революціонеровъ“ недостаточно авторитетно въ соціалистическомъ и революціонномъ смыслѣ.

Итакъ, насъ совершенно холодными оставляетъ вопросъ о томъ, „откуда пошла критика“, для оцѣнки ея результатовъ. Еслибъ даже мы не нашли въ произведеніяхъ нашихъ учителей элементовъ критическаго отношенія ко всякой догмѣ, не соотвѣтствующей современному положенію науки, еслибъ правильная, по нашему мнѣнію, критика исходила изъ рядовъ противниковъ соціализма, мы бы пожалѣли только о томъ, что революціонный соціализмъ не оказался на высотѣ своего положенія, что онъ предоставилъ противникамъ сдѣлать ту работу, которую онъ обязанъ былъ исполнить самъ.

Но кто же виноватъ въ этомъ, какъ не люди, всячески старавшіеся обосновать свое требованіе повременить съ „критикой“ и отложить ее до „радостнаго утра“?

Какъ же быть тогда съ тѣмъ прискорбнымъ обстоятельствомъ, что критика отнимаетъ у борющагося за освобожденіе свое и всего человѣчества пролетаріата самую прочную опору, какъ заявляютъ наши „ортодоксы“? Мы полагаемъ, что отнестись можно очень спокойно, такъ какъ это мнѣніе — плодъ чистѣйшей фантазіи „ортодоксовъ“, которые — въ лучшемъ случаѣ — потеряли способность хладнокровно взвѣшивать шансы борьбы, въ худшемъ же случаѣ — стараются воздѣйствовать на читателей и слушателей не силою доводовъ, а вліяніемъ на аффекты.

Марксъ и Энгельсъ своими трудами въ громадной степени содѣйствовали выработкѣ соціалистическаго ученія. Критика ихъ произведеній указала, что тѣ или другія части созданной ими теоріи нуждаются въ переработкѣ, частью въ полной замѣнѣ. Эта переработка, эта замѣна не сдѣланы еще ни на Западѣ, ни у насъ. Соціализмъ для дальнѣйшихъ могучихъ шаговъ въ области теоріи соціальныхъ явленій ждетъ еще геніальныхъ продолжателей Маркса, ждетъ новыхъ Марксовъ, Чернышевскихъ, Лавровыхъ. Но и того, что уже теперь представляетъ собою прочную теоретическую основу для прак-

тической работы соціалистовъ, вполнѣ достаточно, чтобы сознательный рабочій классъ смѣло бросилъ вызовъ всему буржуазному обществу.

И сознательные представители рабочаго класса могутъ сказать этому обществу: „Укажите намъ хоть одну изъ вашихъ политическихъ партій, которая имѣла бы даже тѣнь научнаго оправданія своего паразитнаго существованія. Вы намъ доказываете, что наша трудовая теорія цѣнности — невѣрна. Но она изъ всѣхъ существующихъ наилучше объясняетъ наибольшее количество фактовъ экономической дѣйствительности. А чѣмъ же вы хотите ее замѣнить? гипотезами, въ родѣ „предѣльной полезности“, которая безконечно слабѣе трудовой, объясняетъ значительно меньше, является искусственнымъ построеніемъ, разлетающимся при малѣйшемъ дуновеніи критики? Да, мы знаемъ, что нашимъ ученымъ, нашимъ теоретическимъ представителямъ еще много надо работать, чтобы усовершенствовать нашу теорію, чтобы привести ее въ полное согласіе съ явленіями экономической жизни. Но и теперь вы должны склониться передъ непререкаемымъ фактомъ, что *трудъ*, нашъ трудъ милліоновъ, есть основа всего общественнаго богатства, что малѣйшая остановка въ нашемъ трудѣ внесетъ ужасъ и смятеніе въ человѣческомъ родѣ, тогда какъ вы, эксплуататоры, могли бы внезапно исчезнуть съ лица земли, и гигантскій процессъ производства пошелъ бы своимъ чередомъ, послѣ самаго ничтожнаго колебанія. — Вы оспариваете ученіе нашего великаго теоретика о прибавочной цѣнности. Васъ, точно такъ же, какъ и насъ (когда мы имѣемъ возможность заняться этими вопросами), интересуетъ задача примиренія этого ученія съ нѣкоторыми на первый взглядъ противорѣчащими ему явленіями экономической жизни. Мы глубоко убѣждены, что именно *наши* теоретики разрѣшатъ лучше всего эту задачу, ибо все глубоко-мыслящее, все искренне-мыслящее фатально станетъ на сторону нашихъ справедливыхъ требованій противъ вашего развратнаго, грабительскаго міра. Но гдѣ ваши труды, пытающіеся хоть съ какой-нибудь дозой научности разрѣшить трудные вопросы со-